

ВЕРЛИБР ДО ВЕРЛИБРА (У ИСТОКОВ РУССКОГО СВОБОДНОГО СТИХА, 18 ВЕК).

Новые находки

Самое известное – Сумароков. О нем писалось и в коллективной статье в РЛ. Он использует предверлибр в своих переложениях псалмов, опубликованных отдельной книгой в 1774 году. Он не случайно снабжает эти опыты (на самом деле - по преимуществу вольные белые ямбы) осторожным подзаголовком «точно как на еврейском»(10), снимая тем самым с себя ответственность за необычную для русской поэзии того времени форму стиха.

А. Сумароков

Из 29 псалма.

Вознесу тя Господи.

Вознесу тя Господи, яко извлек мя еси из глубины,
И не возвеселил о мне врагов моих,
Господи Боже мой, к тебе воззвах и исцелил мя еси,
Ты Господи возвел от ада душу мою,
И жива от нисходящих во рвы.
Пойте Господу преподобныя его,
И хвалите святое имя его;
Яко гнев его мгновенен;
Из его благоволения жизнь,
Ввечеру ночь начинается со слезами:
А по утру слышно радостное восклицание.
Чаял я, что мое счастье,
Никогда не поколеблется:
Гору мою Господи укрепил ты милостию твоею:
Отвратил лице свое, и ужасохся.
К тебе Господи воззвах,
И помолихся:
Кая польза во крови моей,
Когда сниду в ров?
Или перет возблагодарит тебя?
Или возвестит истину твою?
Услыши Господи! буди мне помощник,
И помилуй мя!
Превартил еси жалобы мои в лики:
Плачевное с меня вретисще совлек,
И облек меня одеждою радости:
Да не умолкну, и воспою тебе песни;
Господи, Боже мой! во веки тебя благодарити буду.

Был соблазн и Державина привлечь. Пробовал Кормилов. Он указывает на два стихотворения Державина «Богине здравия» 1795 г. – но это белый вольный дактиль (3433).

Второе - Сретение Орфеем солнца 1911 Все вольный (или даже разноstopный) белый ямб, кроме дифирамба

(ДИΘИРАМБЪ).

Тяжелой съ неба стопой

Мракъ отступаетъ,

Тонетъ, блѣднѣетъ во мглѣ,

И съ роскошью лѣнь,

Тучныя вѣжди подъемля.

Вставъ, идутъ къ трудамъ,

Зрятъ честью плѣнны умы

Къ лаврамъ и славѣ.

010100

10010

1001001

01001

10010010

10101

0101001

10010

НО всего ПАРА ПЕРЕБОЕВ В БЕЛОМ СТИХЕ!!!

Куда интереснее другие стихи Державина, помещенные им в статьи. Так, в знаменитом Рассуждении о лир. Поэзии пишет:

Сіе положеніе лирика прекрасно изображаегь наша древняя русская прибаутка:

Онъ бьетъ коня по крутымъ бедрамъ.
Конь его поднимается
Выше дерева стоячаго,
Ниже облака ходячаго;
Горы и доли между ногъ пускаетъ,
Быстрыя рѣки хвостомъ покрываетъ.

4 последние строки – раёк, а первые 3? Особенно 2 и 3!

Еще интереснее – переводы из древних временъ стнхосложенія. Я представляю при семъ для любопытныхъ отрывки оныхъ; но-за подлинности оныхъ не могу ручаться, хотя, кажется, буквы и слогъ удостовѣряють о ихъ глубокой древности». Отрывокъ, гдѣ названа Злогоръ, такъ переведенъ въ Разсужденіи Державина:

«Не умолчи, Боянъ, снова воспой:
О комъ пѣль, благо тому.
Суда Велесова не убѣжать,
Славы Славяновъ не умалить.
Мечи Бояновы на языкѣ остались;
Память Злогора волхвы поглотили.
Одпну вспоминаніе, Скиѳу пѣснь.
Златымъ пескомъ тризны посыплемъ».

Боянов гимн
ВЕРЛИБР!!!!

Изречения ИЛИ ОТВѢТЫ НОВОГОРОДСКИХЪ ЖРЕЦОВЪ:
переводъ:

По злобѣ свара
Сильному смерть:
Тяжба съ богатствомъ
Худъ передѣль.

ЕЩЕ ОДНО Перевод Оды Горация К Бахусу

Вакха вдали, верь мне потомство, я видел:

1001 10010010

Меж диких он скал сидящий, петь учил песни	01001010	10010
Нимф, ставших вокруг, внимавших его, и вверх		
110010100101		
Завостренных ушми козлоногих Сатиров.		
0010010010010		
5Эвоа! Дрожит еще сердце от страха;		
001010010010		
Ужасом бога исполненно, скачет оно		
1001001001001		
С радости дикой. Эван! Щади, о щади!		
100100101001		
От грозного тирса я трясусь, цепеня!		
0100101010010		
Позволь, да пою я о дерзких Триадах,		
010010010010		
10О быстро текущем вине, млечных потоках,	01001001	
10010		
И медь как из утлых древесных, дуплястых		
010010010010		
Пней каплет на землю, извиваясь струями.		
1100100010010		
Так, позволь мне воспеть и о светлом венце		
001001001001		
Блестящем меж звезд, твоей блаженной супруги,		
0100101010010		
15О страшном паденье жилища Пентея		
010010010010		
И о фракийска икурга пагубе лютой.	0010010	
10010		
Ты волны далеких кротишь океанов,		
010010010010		
И шумный вкруг холмов обтекая пустынных,		
0101010010010		
Жен бистонийских переплетше безвредно,		
100100010010		
20Связуешь власы змей ядовитых узлами.	01001	
10010010		
Ты, буйна Гигантов вдруг крамола когда,	010010	
101001		
Вверх на верх по горам взгроможденным взмостяся,		
0010010010010		

К отчету царству взнеслась, с зевом ужасным 10010	1001001
И с львиными Рета когтями, вспять ниспроверг. 1001	010010010
25От всех хотя ты, как искусный плясавец, 0010010	001010
В шутках и играх любви способным был признан; 1001001 010010	
В бранях не меньше потом пример дал собой 01001	1001001
И велик ты равно, как в боях, так и в мире. 0010010010010	
Цербер в рогах золотых зрел тебя тихо, 10010	1001001
30И, ничуть не взревев, лишь хвостом обвивая, 0010010010010	
С кротостью лапясь, трех языками зевов, 1001010	10010
Вкруг смиренно лизал стопы твои и бедра. 1001010	101001

Впервые: «Чтение в Беседе любителей русского слова», СПб., 1811, кн. 2, с. 115—117.

Но недавно начались еще находки.

Максим Амелин. Михаил Собакин, соученик Сумарокова.

Благополучное соединение свойств, потребных к правлению великих империй, в высокаторжественный день восшествия на престол всепресветлейшия и непобедимыя Государыни Императрицы Анны Иоанновны, Самодержицы Всероссийския, при радостном восклицании с удивлением всеподданнейше представленное от обретающегося в Санктпетербурге при Шляхетной академии юношества

О благополучный день! твое светлое сияние
 Возбуждает и призывает все наши чувства к удовольствию,
 Позволь, чтоб мы последовали нашей радости,
 Влей в наши сердца твое сокровище.
 Предложи, о радостный день! нам твое довольство,
 Да от твоего богатства познаем изобилие,
 И да щастливейшим тебя днем назовем в России;
 Объяви нам славы твоя источник:
 Тебя прославляет и хвалит неисчетное число
 Тех людей, которых благополучие произошло от твоего света,
 И на которых тобою послано Божие благословение:

От тебя заимствует слабый их свет свое сияние.
Чудесная и милостию исполненная рука
Всемогущего и человеческого разумом непостижимого создателя
Начала купно с твоим светом пещися и о нашем благополучии;
Тобою получила сия империя благословение.
Прежде сотворенный свет, совершеннейшее произведение добродетели,
Которым плод мира изобильно расти долженствовал,
И которым Господь света хотел благословить человеческий род,
На сие государство ныне изливал свою силу.
Сие от Августейшия Анны имеет свое начало и умножение:
Все будущее изобилие
Удержала Божия рука до осиротевших времен,
В которые внук Великого Петра уступил высочайшей в свете Государыне,
То есть той, которая сердце, воспламененное Петровым духом,
Блещет равною храбростию, разумом и мудростию,
И чрез которую север получил свет почтения достойный,
Свет толь полезный, который токмо от великодушных сердец происходит.
Малое пространство вдовствующего Курландского престола
Определенныя к империи главы вместить не могло:
Того ради принуждена была Курландия оныя лишиться, когда она
последовала своим родителям;
При сей перемене уже не надобно было далее продолжать печали.
Не прими того во гнев, о Монархиня! когда наши уста признавают,
Что для твоего народа крепкий союз разорвался,
Что для твоего народа печаль уступить долженствовала,
И что твой народ собственным своим наследием Тебя называет.
Толь драгое наследие
Поручается токмо на время, а не в вечное владение:
Оно долженствует в свое время паки возвратиться,
Когда владетель собственного недостатка понести не желает.
Ея прибытие прогнало все печальные облаки,
И всю мрачную тень уничтожило:
С ея блистанием соединяются все милости,
При ней благодеяние и снисходительство открывают всем свои сокровища.
Все дерзостные писатели должны ныне умолкнуть,
Будто бы женская рука неспособна была к правлению:
Ежели они свои слепотствующие очи обратят на сию благополучную
империю,
То во образе Великия Анны увидят тому мнению весьма противное.
Когда Темисцира владела престолом, Пентезилея одерживала победы,
Томира получала короны и поражала храбрых воинов,
А Мартезия соединялась с Оритиею;
То сие не что иное, как действие в нежных членах содержащаяся храбрости.
Когда Евдоксия взошла на престол Восточныя империи,
И Пулхерия в состоянии находилась нести Императорское бремя,

То сей дерзостный вопрос уже весьма не потребен:
Праведно ли оне за пример мудрых обладательниц почитаются?
Мудрость представляется в образе жены,
И Германия, которая уже чрез толикие веки пребывает, последовала
женскому совету с почетом;
Она опасалась, чтоб в их особе не нарушить божественныя чести,
Так что Велледа в число богинь от них была внесена.
Страх Божий есть им собственное дарование:
Оне в разных местах идолослужение искоренили;
Ревностию Анны обращен был Владимир,
А Ольгиным благочестием уничтожена была идольская слава.
Всякая храбростию, мудростию и благочестием украшенная особа,
И происшедшая от героичныя крови может без прекословия владеть
скипетром и короною;
Чрез ея старание получает все государство свое благополучие,
Когда слава владетеля до небес возносится.
В тебе, Августейшая Монархиня! соединяются все добродетели,
Храбрость является во всех твоих движениях,
Мудрость украшается больше Тобою, нежели собственным своим
преимуществом.
Ты содружна страху Божию, а паче самому Богу.
Не то токмо почитается за храброе сердце,
Когда Монарх сам выходит против неприятеля,
Когда собственною своею рукою сокрушает сопротивныя силы,
И когда щит и оружие сам на оныя обращает.
Сию храбрость показывал в жизни своей и Петр Великий,
Которой был подобен Юлию Цесарю, везде сам бывал, видел и побеждал.
Его увеселяли собственная его завоевания,
Но тебя, Великая Императрица! удерживает от того твое милосердие.
Сие есть самая истинна, что убийство, огонь, пролитие человеческия крови,
Множество побитых трупов,
И жалостный вид полумертвых людей
Производят в чувствительных сердцах особенное действие.
О тебе печется промысл Божий, а ты печешься о исправлении нужд твоего
народа.
Российский меч прежде не вынимается,
И твоя сильная рука оружия прежде не принимает,
Пока твоим подданным не начинает грозить опасение.
Тогда повеление твое щастию налагает узы,
Мартс усматривает своего неприятеля, Фортуна его низлагает,
А Беллона подает Тебе кровавое отмщение
И приуготовляет к спокойству путь кровию обагренный.
Почто свирепствует в гордости Сарацынское стадо?
Когда Россия против неприятеля ревностно свое оружие употребляет,
То гордая его ярость поражением бывает наказана,

И кипящая из ран кровь к миру его принуждает.
Бодрое орла око презирает солнечные лучи,
Как же бледная луна на зеленом поле утратить его может?
Хотя тигрова кожа притупленные роги и покрывает,
Но множества кровавых ран закрыть она не может.
Меч храброго Персея избавил от смерти Андромеду,
Но сила Великия Анны Азов свободила;
Крепкий Очаков познал в несколько часов,
Как истинная храбрость все противные силы преодолевает.
Раззорена большая часть Крыма, дерзостные прежде его жители
Трепещут и бегут от острого Российского оружия;
Никакая соседственная сила не могла им в сей их напасти способствовать,
Пока наказание Аннино над ними не исполнилось,
Тебя, Державнейшая Монархиня! украшает мудрость, она твои пути
управляет;
Толь храбро твоя десница обращает оружие,
Толь рассудительно и премудро империю и народ управляет,
Что плоды сего попечения всему свету известны учинились.
Естество и наука требуют твоего совета;
Едва токмо восприемлешь ты какое полезное намерение,
То твои подданные от того уже и получают изобильное благополучие,
А конец оно венчается чудесным успехом.
Не надлежит о том вопрошать, откуда происходит сие благополучие?
Кто приятен Богу, тому нещастие не прикоснется.
Он не может отступить от пути ведущего к благополучию:
Так и сие чудо не по случаю, но от самого Бога происходит.
Чего ради восхвали|| те все совокупно с нами Божие смотрение,
Которое с нынешним днем дарует нам и радостное воспоминовение
Благополучного восшествия на престол Анны Великия.
Кто сей день препровождает в печали,
Тот не имеет ни здравого рассуждения, ни благодарности.
Что может, Монархиня! радостным твоим подданным
Большее принести веселие,
И что может в сердцах твоего народа возбудить большее удовольствие,
Как то, когда они великолепию твоего Двора с радостью могут удивляться?
От тебя токмо радость твоего Двора имеет свое начало,
Ты ему солнечный свет, которому он наподобие подсолнечника последует.
Ежели бы всякому тебя так близко видеть можно было,
То бы надлежало себе то почитать за крайнее благополучие.
Твое Императорское око, пред которым мы ежедневно находимся,
Часто радостное восклицание младенчествуя речи
Членов сего корпуса милостиво принимало:
Того ради мы и ныне тем же путем поступаем.

Буди всегда прославлена бесконечная премудрость.
Ты в лице Великия Анны жизнь нам даровала.
В ея особе показала ты нам щедрю Мать,
Которая нас питает и содержит,
Которая наши сердца исполняет мудростию,
И от которыя польза всей империи происходит.

2.

Дай, о Боже! твое благословение
К насаждению, к поливанию, и к будущему плоду;
Учини, чтоб наша Монархия от сего учреждения имела веселие;
Поддай юношеству угодное тебе наставление,
Дай, чтоб мы, при добром руководстве учителей,
Твою Помазанницу, Императрицу прославляли.

3.

Покровитель венчаных глав сего земного круга!
Покрой Анну всемогущею твоею рукою,
Прославь ея владение еще большею славою,
Поддай благополучие ея оружию и благословение империи,
И учини, чтоб наша Всемиловейшая Обладательница
Премногие лета в мире препроводила.

Струйский, верлибры которого открыл Николай Васильев.

К БОГУ БРАКА

Божественный Гименей,
Послушай моего голосу;
 Приди и ты
 Вняти
Возвышающей меня Музе —
 От прочих мужей.
 Растаивающих
Пред своими нежными супружницами,
 Которым, может быть,
 Они
 Твоею силою.
Быть может, и достойны. (С. 132)

*

Скитающийся Гименей!
 Чтобы ты был
 С твоим
 Факелом,
 Когда бы бог любви
 Державинский Нрот
Не омочил свои острые стрелы

В крови пылающей
Увенчанных тобою
Нежных сердец,
Венчанных тобою не розами,
Не незабудками и васильками.

*

Я некогда тобою был искушен
Прогневал Было Ерота
Сына
Кипридина;
И светильник твой
Данный мне тобою
Угас.
Призвал я Ерота!
И показал ему
Мой дым
Исходящий от факела,
Которым он меня обворожал?.. (133)

*

Что?
Вопрошал меня Ерот:
Что, дерзкой,
Отметатель моей благости,
Который о тебе всегда рачил?
Что бог твой Гименей,
Которому ты присягал,
Что без моих очей,
Которы суть
В моих
Стрелах
В ево и факелах которы
Скоро гаснут.

*

Упал я перед Еротом;
На колени?..
И крылья острые
Его
Я омочал слезами
Не видел уже я
Как сжалившийся он
Меж тем
Как я лежал у ног его стена
Потухлый факел твой
Вдруг засветил
Стрелами.

Сочинения. Струйский Н. Е. Сочинения Николая Струйского. - СПб.: Печ. у Шнора, 1790. С. 132–133 К богу брака («Божественный Гименей»)

ГИМН К ЦИАНЕ (начало!)

Милостивая Циана!
Мать правосудия;
Кроткая и щедрая богиня.
Наперстница небес!..
Хоть я тебя не именую,
Но знают все тебя
 Кто ты,
 И кто ты есмь?
Мой дух Тебя всех больше знает!
 Подобно духу тех,
 Которые тебя
 С бессмертными равняют!
 О! мать россиян!
 Отрада дней моих
 Дней красных и весенних,
К тебе в сей час мою всю душу изливаю,

Согласно дням Твоим,
Любуюся Тобой,
Склоняя мирный глас,
Тишайшим звоном сим
От сердца проливаю...

.... Далее Я вол Бел С. 109–110: Гимн к Циане («Милостивая Циана!..) ВЕРЛИБР!!!

Но самое интересное сочинение Струйского «Для хорвика. Ни проза, ни стихи», напечатанное, как отмечено на титуле книги, в Петербурге.

Имеется в виду вот что

Апология к потомству от Николая Струйского или начертание о свойстве нрава Александра Петровича Сумарокова и о нравоучительных его поучениях, писана 1784 года, в Рузаевке. В Санкт-Петербурге, печатано с дозволения Управы Благочиния у Шнора, 1788 года.

Начинается оно так:

Мне говорят, чтобы я хорвика опасался
И чтобы он не написал на меня
сатиры..
Нет!., мне, если хорвиков опасаться,
То я его первого из них, принужу его
самому себя
задавить

IV

Хорвик в приказе, и пишет стихи?..
Боже мой!
До какую скарредного вкуса доходят
Провинциальные умы.
И могут верить, что будто хорвик
может писати стихи?..
Да еще и на подъячих?
Сам будучи он подъячий!
И говорят: на всех, на всех сатиры пишет;
кто пишет?
Тот, кто здесь взятками и сквернословьем дышит.

ЕЩЕ ЭПИТАФИИ

Эпитафии, которые С. Кормилов относит к самостоятельной маргинальной системе стихосложения. В недавнюю антологию этого жанра, составленную для «Большой серии» «Библиотеки поэта» Т. Царьковой, вошло полтора десятка миниатюр, которые можно рассматривать как свободный стих.

С эпитафиями происходит примерно то же, что и молитвословным стихом и народной песней: пока они находятся в естественной среде функционирования, то есть начертаны на могильных плитах – это действительно маргинальные по отношению к словесности тексты, стиховая или прозаическая принадлежность которых неустановима. Стоит, однако, им появиться в печати, на страницах книги, как положение в корне меняется: теперь перед нами тексты, записанный тем или иным (обычно стихотворным) способом.

Самая ранняя из них – анонимная эпитафия Сергию Радонежскому, датированная второй половиной XVII века.

СЕРГИЮ РАДОНЕЖСКОМУ

Гроб, его же зриши, путниче,
Златом, серебром, драгоценными камнями
Гроб никак,

Но столп яко Давидьский он.
Тысящи щитов, тысящи мечей,
Тысящи броней, тысящи стрел
Висят из него.
Отзде святыня оттуду трепетство,
Тая своим, сия чюждим,
Обоим же ужас, удивление.
Тому притекут начальницы, царие и господне,
Всякий же его отдаст обет верный.
Молящии
Обретают благополучный
В бедах исход.
В плаче —
Сладкое утешение,
В пагубе — спасение,
В брани — победы,
В печалех всех — вся благость.
Хвалится, возносится, воздвижится
Божественный сей муж
Сергий.
И всякий язык отдаст славу Богу,
Иже дивный, иже хвалится
Во святых своих.
Сей блаженнаго Сергия гроб,
Смиренно зело тое и устроено место,
Небо его, а не земля содержит.
В нем же яко звезда
Просиявает в севере северная,
Неподвижимая всегда, присно непреложная,
На кую зряще, держащий
Северная кормила царства
Ведет на правыя пути
Государства великаго корабль.
Прием же добрыя из нея крепости,
Обилия исполнится и благополучения,
Аще же левая дойдет некогда пакость,
Сия от нея приидушая,
Не злая
К вышнему всегда доброму бывает.
Да озарит ея потом больше свет,
Да лучи ея теплейшия искуситя.
Тако солнце скудостию наипаче светит,
Тако облаки наветующия проидушая
Луна
Светы ея пресветло стреляет.

Соблюдитесь, супостаты, и накажитесь.
Доселе толкуется смелость
И главы тому смиряйте ваши.
Вы же, скверная татарская стада,
Будите прочее, абие оскудейте.
Земленный вышних сильнейший никто.
Вторая половина XVII в.

По мнению Царьковой, Э. написана в редком для рус. лит.жанре элогиума – неметрического поэтического произведения (с.477).

379. <А. Л. НАРЫШКИНУ>

Внемли, мимоходяй!
Есть бо чудно,
Внегда сияюшу полуденному солнцу свет сокрыся,
Ибо
Первый час пополудни изъяви человеческого жития
запад.
О печальные ноции!
осударственных премудр сый в советех
Действительный тайный советник
От временного совета преиде.
Что ж весело?
В горний совет внииде.
Обоих российских орденов быв кавалер.
Но что ж вечно?
Житие и добродетель достопамятная.
Сенатор российский
От славна рода
Александр Львович Нарышкин
В вышнем присудствовати нача чертозе,
Который Жития своего возиме начало
1694 года апреля 26 дня,
Преукрасив сие добродетелию и заслугами
преизящными,
Оконча достопамятно в Санкт-Петербурге.
Дух предаде в руде Богу,
Тело же погребению на сем оставив месте
1746 года генваря в двадесят пятый день.
Всех же лет жития его пятьдесят едино бе лето.
О, коль краткий дние лет наших!
Яко крин увядают.
Обаче добродетель его и слава вечно пребудут,
Ибо незабвенны.
Самая же краткость жития его показа бессмертие,

Понеже
Образ всем остави,
Како вечно жити.
1746?

НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ НАД В. ТРЕДИАКОВСКИМ 1768 ГОД
АВГУСТА 6 ДНЯ

Богом сотворенный,
В Бога веровавший,
Богу поклонявшийся,
На Бога трисвятого уповавший,
К Богу отцу и сыну и святому духу отшедший
О Господе едином животворящем
Чающий воскресения мертвых
И жизни будущего века.
Стих научивший вновь стопой прежде всех в России,
Мертв уже есмь и погребен в земны недры сии.
Я был Третьяковский, трудолюбивый филолог,
Как то уверяет с мерой и без меры слог.
Почести лишит меня страсть коль ни кипела,
Но воздать мне знак венка правда преуспела.
Бог да упокоит душу грешну, помолись,
Всяк сего читатель, помни долг и удались.
Гостиница мир есть,
А жизнь — путь к дому весть —
Прибыть,
Побыть,
Отбыть,
Во мзду иль должно вместе,
Той бы сподобиться мне, сей же избавиться вечно!
Аминь.

Екатерина Великая 1790

1110

С тройною силою шли шведы на него.
Узнав, он рек: «Бог защитник мой!
Не проглотят они нас».
Отразив, пленил и победы получил.
Екатерина II
(к бюсту Чичагова)

Н. Ф. Эмин.

578. ЭПИТАФИИ

Прочь, зависть!

Здесь покоится прах Героя севера,
Спасителя Отечества:
Здесь лежит князь Кутузов Смоленский.
1813

ТРУДНО ОТДЕЛИТЬ ОТ КВАЗИ.

399. НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ ВЕНЬЯМИНА ФРАНКЛИНА, КОЮ
ОН САМ СЕБЕ СОЧИНИЛ, БУДУЧИ ТИПОГРАФОМ В БОСТОНЕ

Здесь лежит тело
Типографа Веньямина Франклина,
Как переплет старой книги,
Лишенный своего сочинителя, своей надписи
и позолоты,
В снедь червям.
Но сочинение само не пропало:
Оно, как он уповает, когда-нибудь
Паки в свет покажется
В новом и лучшем издании,
Исправлено и украшено
Сочинителем.
<1780>

ЭПИТАФИИ АНТИПУ СКРИПАЧУ

б.
Богу правосудному
и милостивому —
для исправления нас, грешников,
прежде нашествия антихристов —
было благоугодно ниспослать в мир беззаконный
Антипа, не пламенем вооруженного,
но скрипкою,
слуха ради истязания
не внемлющего заповедей Господних.
И сей предшественник антихристов
паче чумы, меча и глада,
гнев смертным явил небесный.
Но Бог не до конца прогневался:
Антип изгинул
и скрипкою
уж нас не терзает!
Слава тебе, Человеколюбче!

Характерно, что нередко в журналах и книгах, наряду с реально существующими на памятниках, печатались также чисто литературные, не предназначенные для высечения на камне эпитафии, а также стихотворения, стилизованные под эпитафии. Например, такие стихи переводчика и ученого Никиты Ивановича Попова (1720-1782), «публикация» которых на могильной плите принципиально невозможна:

«НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ НА ПРОШЕДШИЙ ГОД

Читателю,
Не проходи без удивления мимо сего места.
Ты видишь надгробную надпись,
Где ни мертвеца, ни гроба нет,
но оба были вместе.
Я умирал всякую минуту,
Потому что всякая минута часть от
меня отнимала
И я в самых еще моих пеленах умирать начинал.
Я прибывал и убывал в одно время
И сделался напоследок сам себе
гробом,
Из которого я никакого воскресения
себе не уповаю.
Я летал без крыл быстрее всякого орла
И бегал без ног скорее всякого гонца.
Я был циркуль, из центра колыбели
описанный.
Я был корабль, который на море времени
От недель, дней и часов, как от
быстрых волн
И ветров гоним был, так что никакого
следа после меня не оставалось.
Детей, зачатых и рожденных мною,
Я поедал сам и напоследок съел и
сам себя.
Мимохожий!
Я оставляю тебе мои крылья,
Чтобы ты с неторопливою осторожностью
на них ходить умел.

<1757>

НАКОНЕЦ, НАДПИСИ

Ломоносов НАДПИСЬ 49

СЕ ЕЛИСАВЕТА
ПЕТРА ВЕЛИКАГО ВЕЛИКАЯ ДЩЕРЬ,
благочестивая, щедрая,
МУЖЕСТВЕННАЯ ВЕЛИКОДУШНАЯ,
ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАЯ САМОДЕРЖИЦА;
МОЯ ИЗБАВИТЕЛЬНИЦА,
ЗАЩИТНИЦА ПРОСВЕТИТЕЛЬНИЦА;
слава моя, вознесшая главу мою,
ВО ГРОБ НИЗХОДИТ!
Рыдайте области
Насладившиеся кроткою ЕЯ державою,
в слезы обратитесь
великия мои моря и реки!
все верные мои чада
К Богу возопите!
Упокой Спасе в вере к тебе преставившуюся,
царствия твоего сопричастницу сотвори,
на тя бо упование возложи, человеколюбче

И. Хемницер

НА КОННОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Вместо всех похвал подписать только:

Петр.

НО ЕЩЕ ИНТЕРЕСНЕЕ ПЕРЕВОДЫ – СТИХИ ЛИ??

Якоб (Яков Яковлевич) Штелин

Да благополучный и благоуспешный будет НОВЫЙ ГОД
1758

ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ

ИМПЕРАТРИЦЕ И САМОДЕРЖИЦЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ и прочая , и
прочая , и прочая! Искреннейшия желаня приносит АКАДЕМИЯ НАУК.

ОДА

Старые следы год оставляет,
И будущим вручает временам,
Которые умножает преславными победами
И премногими российскими благополучиями.
Но вы, музы! красные; сие образы
Напишите на щит пребывающем вечно;
А на самом верху горы ПИНДА
Славу сего года, славу ж АННЫ светлу всем векам сошворите.

Хотя музы имеют к тому охоту, о непобедимая Императрица!
Но едину токмо сень добродетелей твоих,
И некоторых токмо из содеянных днл изобразить,
И предложить к ТВОИМ стопам мы можем.
Горячесть , которою к ТЕБЕ несемся ,
И с которою приносим наши желания,
От ТЕБЯ самая берет материю премногу,
Из сея сочиняет стихи, и желания произносит.

О коль с великою ревностию взирает на ТВОЮ победу
Идущую с преломленными неприятельскими оружиями!
Зрит ТВОЯ победа прошедшего года торжественные врата
Отверзающая новые себе сего года врата такожде торжественные.
За нею следует верность наша
Громким вопиющая гласом:
Новые подай , о БОЖЕ , годы
Новыми победами и благополучиями знамениты.

Что ж светится сквозь расселины старых врат?
Светится то, что около Лимана и Крыма блистало,
И что Оттоманской Порты разбило основания ,
То есть , двух браней сильные перуны.
Видится тамо и неприятельская земля
Во власть победителей пришедшая ,
Видится свирепое неприятельское войско разбито,
Видится, что орел держит ногами многие лавры и побед знаки.

И так, восстань Миних , Российский Сципион!
Ибо восстает Турецкий Карфаген.
Но что зриши? едва токмо оный узнал твое пришествие,
И се сам своим пожаром погибает,
Трех дней довольно тебе, Миних , на взятие града.
Трех тебе, Очаков , довольно дней на твое падение .
Ей храбрый Полководец! отрицает История,
Чтоб толь в краткое время толико дел содеял Сципион
Африканский.

Едва токмо очистили град, рвы, и дороги
От убитых толь многих тысяч Турок,
Се новое дело храбрость твоя начинает,
Се в самые идет Бендеры.
Неприятели не имея надежды на оборону,
сами свои степи огнем пожигают.
Но Тебе и сие не препятствует: Ты идучи по пепелу
безопасные места занимаешь.

Храбрость твоя не токмо есть толика,
Чтоб твердые побеждать крепости;
Но и победив паки оные толь укрепляешь,
Что при них упадет вся неприятельская ярость.
Тако Очаковские развалины новыми утверждаешь оборонами,
И новыми оные укрепляешь вымыслами и искусством.
Вы неприятел, буде имеете смелость, ступайте:
На обеих сторонах Орел готов ожидает.

Се российский и Фабий оный,
Которой в толиких трудностях рассудительно медля то делает,
Чтоб утрудившийся неприятель погиб собою,
А и сам бы Хан увидел, что нет ему надежды.
Приближаются Татары , прилетают набегами;
Разумно уступая Лессий побеждает счастливо,
Хитро отводит, искусно полки разделяет,
И сим медлением поспешает к победе.

Гремят российские Громы, разбивают российские Перуны;
Страшат оные, поражают сии Татарские полки,
Уже и самые внутренние отверсты пути,
Которыми челюсти свои Крым заключает.
Бегут вспять Татары,
Идут к Крымскому сердцу россияне,
Везде дымится внутрь сих земель,
Которых от Орлих Перунов зажжены.

Укрывалища хищных сих неприятелей разорены,
Иссушен уже оный источник и завален,
Который наводнял толь многие соседние земли
Села и грады в пепел обращены.
Ни высочайшие и трудные горы, ни самые узкие дороги
Не могут ни на мало удержать Орлов.
Нападают на самые гнезда слетающихся гнусных птиц,
И всеконечно опровергают Карас - базар.

Еще ли ты не довольно наказана упрямая Порта?
Еще ли не довольно поражена ?
Прибегай, наконец, к сносным законам мира,
Которые ты себе с бесчестием чрез брань породила.
Ложь твоя, всегда тебе обыкновенная,
будучи в нужде, не обмануть ли тщится ?
Но что поможет? паки острым оружием.
Отнимать Очаков покусися.

На что в отчаянной твоей свирепости,
На что с повелениями толь жестокими
Идешь губить цвет толкой младости ?
Жаждешь, поистине, сынов твоих крови!
Однако к пагубе твоего Полководца, и его жизни,
Се паки сильное выходит воинство,
Все бендеры последние собирают силы,
Которых приходом своим поля опустошают.

О Коль безмерное и разгневанное войско,
Которое кругом Очакова раскапывает землю!
Ах! Очаков знать что уступить Туркам,
Сколько бы они на то людей ни потеряли.
Но пожди! само на себя яришься;
Ибо и не много хотя росиян, но весьма храбры,
Никогда и безмерному Турецкому множеству
Храбростию своею взятый град отдать не имеют.

Умножай ярость, умножай твои грозы;
По прошествии четырнадцати дней
Что другое умножишь, кроме гибели и напасти себе?
Что иное тебе осталось, как токмо бегство, вред, и бесчестие?
Еще тот день, еще отмщение не приспело;
Но слыши сей глас: Миних уже не далеко.
Се тотчас в страх приходит Турецкий воин,
Се немедленно лагерь свой зажигает.

В страх и отчаяние приводить сердце
Сей глас , и сия ведомость.
Встают оставшиеся и убегают воины
В печали , в смятении, и с воплем оставляют лагерь.
При Очаковских стенах паки на неприятелей победа,
Которая увенчивает защитника фон Стофеля,
И окончивает жестокою брань ,
Также и поход толь поздно предприятий.

Огонь, которой в руках у победы,
не токмо пожигает Крым,
Но и Историю народам просвещает,
И человекам новые показывает земли.
Чрез сие География до Истинны доходит,
И с новым светом к победам приходит российским,
И в самых тех местах , где толь много российской славы
Объявляет Крым весьма в ином виде.

И так, восприми благодарения, непобедимейшая Императрица,
Которые ТЕБЕ за толь важные брани,
Которыя ТЕБЕ за победы толь преславные
Народ ТВОЙ безопасный ныне приносит.
Я крепко верю, что и самые послдние веки
Великие ТЕБЕ воздвигнули врата и столпы
В воспоминовение содеянных для сего года.
И в воспоминовение храбрости и ТВОИХ побед.

Рдуйся Сохранительница всех ТВОИХ людей!
Лучами благости ТВОЕЙ благоволи также
Просвещать дело ТВОЕ Парнас мой.
Руки муз укрепляй оных,
Которым надлежит дела Августйшие описывать АННЫ.
Но что за сладость чувствую? вижу, что желария исполняются:
Идет встречаение Промысл божий в новый год ,
И приносит ЕЙ новыя благополучия и победы.

Еще перевод – Странствование Телемака сына Улиссова. Творение
Фенелона. Перевел В.П. 1833. Вот отрывок из монолога Ментора.

Молодость самонадеянна;
ожидает всего от самой себя;
как ни слаба, а думает, что всеильна
и ничего не страшится;
она вверяется легко, без предосторожности.

Берегись слушать
приятные и льстивые речи Калипсы,
которые вкрадутся, как змея под цветами;
бойся сего скрытного яда:
не доверяй самому себе и не делай ничего
без моих советов

Наконец, Ашрефи, точнее Мухаммед-ибн-Мухаммед Ашрефи. Сие
сочинение в похвалу Е.И.В. Екатерины Второй написал стихами раб божий
посланник Мохаммед, сын Мохаммеда Мохсина, по прозванию Ашрефи Во
граде Св. Петра: Императорская тип., 1793

Екатерина Болашенкова А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург) «Шахнаме
Екатерины» — первая в России печатная книга на персидском языке

«Шахнаме Екатерины» («Шахнаме-йе Катрин») — стихотворный
персоязычный текст конца XVIII в., посвященный российской императрице
Екатерине Второй. Его автор, Мохаммад б. Мохаммад Мохсен Ашрафи Илчи

состоял в посольстве кадjarского принца Мортазы Кули-хана (брата Ага Мохаммад-хана, основателя династии Кадjarов), пребывавшем при царском дворе в Петербурге в последние годы правления Екатерины. Сочинение, представляющее собой отчет о дипломатической миссии и одновременно панегирик Екатерине, написано характерным для персидских поэм размером мутакариб и состоит из 968 бейтов. Несмотря на название, оно не имеет отношения к знаменитому «Шахнаме» Фирдоуси; заголовок его, пожалуй, будет правильнее передать не как «Книга царей», а как «Царская книга». Секция иранистики памяти И. М. Стеблин-Каменского (1945–2018) к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). Ч. 1 177 Сочинение было переведено на русский язык и в 1793 г. издано в Императорской Типографии в Петербурге. Каждый разворот книги представлен в двуязычном виде: справа — персидский текст (разработанный для него шрифт основан на почерке насх), слева — его русский перевод (нерифмованный и довольно точный подстрочник, снабженный многочисленными постраничными сносками, в основном к восточным именам и топонимам). Всего книга содержит сто сорок страниц и, соответственно, семьдесят разворотов. В 1965 г. появилась небольшая статья Ахмада Голчина Ма‘ани, в которой автор назвал «Шахнаме-йе Катрин» первой в России печатной книгой на персидском языке.

Глава о реках

Сей город имеет в себе одну реку,
От которой пользуется весь народ;
Вкус Ея подобен розовой воде;
Известна она всем под именем Невы ;
Течение имеет в море беспрестанно;
Ходят по ней иностранные купеческие суда;
Приезжают из своей земли для торговли;
Продают свои товары и покупают здешние;
Через сие самое реки сия приносит
Для Государственной казны великую прибыль.
Берега Невские обложены с каждой стороны
Несколькими тысячами камней наподобие стены,
И для пешеходящих послано полом.
Похваляют сие и Ангелы на небеси, глася: виват!
Прорыты и вычищены каналы•
И проведены из Невы воды
По способным местам во всех сторонах
Много находится таких каналов,
Которые все так как и Нева,
Имеют берега, обложенные камнем.
Все сие исправлено с заплаатою денег, а не принуждением,
Таково есть правосудие, сопряженное с милостию.

В каждом канале построены мосты
Подкрепленные каменными столбами
И утвержденные на цепях
Поднимаются они подобно как часы заводятся цепочкой,
Поднимаются только в нужное время
Для прохода в том жительство судов,
По проходе судов в самое то время
Опять опускаются в свое место,
И остаются в прежнем своем положении;
Так что движения того и приметить не можно,
Каким образом они разбираются;
И неприметно проходило ли тут судно или нет?
И сколько их еще!